

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ФЕДОРА,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ ИЛИ БЫЛЬ С
ПРИМЕСЬЮ

Петр Андреевич Вяземский Федора, историческая повесть или быль с примесью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24511988

Аннотация

«Соименницы героини романа сего должны радоваться появлению оною. Автор не побоялся пословицы, и с первого взгляда на книгу удостоверяться, что пословицы, сия так называемая «мудрость народов», не всегда же безошибочны: у нас на глазах карманная *Федора*. Что ни говорите, а есть смелость и благородство в подобном подвиге. Часто участь и не книги зависит от поговорки, кстати или, лучше сказать, не кстати примененной. Сколько людей жертвы шуточного прозвища, данного в детстве товарищами или в обществе шалунов: подите, после говорите, что такой-то умный человек, хороший гражданин, добродетельный помещик; все это остается в стороне, а при лице его неизгладимо остается случайное эпиграмматическое прилагательное...»

Петр Вяземский

Федора, историческая повесть или быль с примесью

Соименницы героини романа сего должны радоваться появлению оною. Автор не побоялся пословицы, и с первого взгляда на книгу удостоверяешься, что пословицы, сия так называемая «мудрость народов», не всегда же безошибочны: у нас на глазах карманная *Федора*. Что ни говорите, а есть смелость и благородство в подобном подвиге. Часто участь и не книги зависит от поговорки, кстати или, лучше сказать, не кстати примененной. Сколько людей жертвы шуточного прозвища, данного в детстве товарищами или в обществе шалунов: подите, после говорите, что такой-то умный человек, хороший гражданин, добродетельный помещик; все это остается в стороне, а при лице его неизгладимо остается случайное эпиграмматическое прилагательное. Таким образом можно сказать об этом романе, что он доброе дело, предоставляя другим сказать, что он и добрая книга. Для нас, взирающих на нее с точки зрения более возвышенной, нравственное, календарное достоинство её гораздо важнее всякого другого достоинства. Но, может быть, не все захотят смотреть с на-

ми одинаково и многие потребуют от нас, чтобы мы спустились с философической обсерватории своей и ремесленным образом разобрали просто книгу, как книгу. Постараемся и этим близоруким требователям угодить некоторыми материальными подробностями. По мнению нашему, в этом отношении не столько содержание и действие романа, сколько рассказ его привлекает и оковывает внимание читателя, и потому не станем следовать за *Федорой*, которая, «с шести, семи лет возраста в доме целовальника Антона и жены его Лукерьи Новоселовых смотрела на птицами, скотом, кормила их, носила дрова, помогала топить печь, баню по субботам, подметала избу и выносила сор». Но пусть говорит сама *Федора*: «Пойдет Лукерья в коровам, я подаю ей подойники, отношу скрынки (не кринки ли?) с молоком. Я не знала праздности; нет дела, плету кружева, вышиваю полотенца, нижу бисером подзатыльники на продажу (хорошо еще, что ей самой не дают подзатыльников), ввечеру вяжу шерстяные чулки, наблюдаю за лучиною в светце». Когда *Федоре* исполнилось четырнадцать лет, в жизни её последовала перемена: ее заставили пасти стадо Антоново. В этом занятии однажды застала ее гроза. Пастух Лука, нашел Федору измокшую и иззябнувшую, заманил ее в пчельник, развел огонь. «Я согрелась, поблагодарила его», говорит Федора, «а он стал ласкаться во мне. Я оттолкнула его, не жалела ругательств; но он насильно обнял и поцеловал меня. Не могу изъяснить, что во мне тогда происходило; закричав во все горло, дала ему

добрую пощечину и проч.» Не смотря на такой ощутительный знак неодобрения, Федора не вовсе однако ж была равнодушна к Луке, и когда сей отчаянный любовник, из любви в ней, добровольно пошел в солдаты, тогда... Но оставим ее снова высказывать свое признание: «Весть о том привела меня в некоторое окаменение, холод пробежал по всему телу, и последовала во мне великая перемена. На лице показалась бледность, худоба, сижу за пяльцами в молчании, отвечаю на вопросы только да, нет, и сколько раз упавшая на полотно слеза вшивалась вместе с гарусом в узор!» – Слезка, вшитая в узор, чего-нибудь да стóбит?

Пропустим картину Русского кабака, написанную в Теньеровом вкусе (стр. 55-56), и скажем, что Федора, вследствие невольной ревности Лукерьевой, переселилась в город к протопопице, скажем, что она училась там Французскому языку, Рисованью, Арифметике, Закону Божию, Российскому слогу, Истории, Географии, Физике и Астрономии. Подслушаем еще одно из её признаний: «Рисованье мне сначала не понравилось; трудишься с час, и появится только глаз или нос не знаешь чей». Подслушаем также, что говорит губернский предводитель одной Француженке, наставнице дочерей его: «Ваш язык бедный, склеенный из слогов площадных, неблагопристойных, соделался от десятка превосходнейших мужей повсеместным: ныне почти во всяком доме, начиная от попугая до барыни, все лепечут по Французски, худо выучась своей грамоте». Долго было бы рассказывать все пре-

вратности судьбы Федориной: как она, по смерти протопопицы, снова переселилась в Лукерье; как, наконец, узнали, что она не крестьянка, а дочь богатых дворян, погибших во время Пугачевского бунта; как производилось о том следствие и пр. Одно место из сего следствия заслуживает особенного замечания. Судья спрашивает у бывшей Федориной няни (которая не видала своей барышни со времени трехлетнего возраста сей последней): «Не имеет ли сходства с Софьей эта девица?» *Няня*: Трудно теперь распознать, м. г. *Судья* – Однако, посмотрите хорошенько, сличите с памятью. *Няня*. Походит, очень походит: те же черные глазки, волосы. *Кормилица*. И тот же оклад лица. Федора сделалась богатою наследницей, ее привозят в Москву. Там, говорит она, «на другой день съехались в вам множество дедушек, тетюшек, сестриц двоюродных, внучатных, давнишних приятелей, ласкались, целовали меня с обозрением от головы до ног, предлагали мимоходом дружество, и несколько слиянных головок уподобляли беседу жидовской синагоге». Но Москва, кажется, не всегда представлялась Федоре в подлинном своем виде, и наша богатая девица часто бросала в ней неверный взгляд на предметы. Так, между прочим, бронзовая статуя Екатерины II, поставленная в благородном собрании, показалась ей мраморною.

Выписываем здесь Федорин¹ перевод Сегюровой надписи

¹ В примечании к сей надписи сказано: Вот мой перевод и пр.; а в продолжение всей повести, Федора сама рассказывает свои похождения и говорить всегда о

к портрету Императрицы:

Чудесну силу здесь магнита,
Влекущу к северной стране,
Героя, мужа знаменита,
Познай в премудрой сей жене.
Дает уставы, чистит нравы,
Искусна царствовать, писать,
Полна вселенна её славы,
Велела зависти молчать.
Когда б судьба определила
Ей жить без скипетра в руках,
Умом бы, кротостью пленила,
Свой трон воздвигла бы в сердцах.

Наконец, Федора вышла замуж за полковника, видела однажды Луку, подарила ему 500 рублей, собрала вокруг себя всех тех, которых с детства любила, родила трех детей, и говорит в заключение своей повести: «семейство – мой мир; супруг – нежнейший любовник; подданные – мои ближние. Я блаженствую, и была бы еще счастливее, когда бы имела еще что-либо пожелать и проч.»

Позволим себе одно критическое замечание: в конце романа не поддерживается добрый подвиг, обещанный в заглавии; Федора не Федора, а Софья, и для чести Федоры мы почти желали бы, чтобы никто не прочитал романа до конца.

Но, к сожалению, дело несбыточное: автор так увлекателен, что не вырвешься из рук его.